

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ РОССИИ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ЭЛИТЫ РОССИИ: КАРЬЕРЫ И КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ

А.С. Быстрова

(abc_46@mail.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Быстрова А.С. Региональные административные элиты России: карьеры и карьерные траектории // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 1. С. 5–27.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.1>

Аннотация. *Статья посвящена исследованию карьер и карьерных траекторий представителей административных элит российских регионов. Эмпирическая база исследования включает биографии чиновников высшего уровня десяти субъектов Российской Федерации, включая губернаторов, их заместителей, членов правительств регионов с 2004 до 2020 г. Анализ эмпирических данных позволил обнаружить, что в этот период происходило существенное обновление корпуса чиновников в регионах. К началу 2020-х годов 64 % чиновников были новыми людьми в элите. Для них занимаемая должность была первой элитной позицией в карьере. За предшествующее десятилетие доля «новичков» увеличилась более, чем в два раза. Укрепилась тенденция профессионализации региональных чиновников. Основная часть (85 %) региональных бюрократов имеют профильное образование (первое, второе или третье). Многие окончили программы профессиональной переподготовки. Их карьеры в основном относятся к профессиональному типу. Утратил свою прежнюю роль номенклатурный опыт работы. В последнее десятилетие в административной элите регионов возросла доля «силовиков», т.е. лиц, имеющих опыт работы в силовых структурах. По-видимому, это связано с широким распространением цифровых технологий как в повседневной жизни населения, так и в управлении регионом. Кроме того, большую роль сыграли*

эпидемия и террористическая угроза. Обнаружено ускорение движения по карьерной лестнице. Внутри административной элиты работают социальные лифты, однако эта социальная группа остается довольно закрытой для представителей низкостатусных групп, не имеющих ресурсов для продвижения наверх.

Ключевые слова: элиты, администраторы, регион, чиновники, мобильность, карьеры, карьерные траектории.

Когда мы узнаем о новом назначении кого-либо на какую-либо заметную должность, то задаем себе вопросы: кто этот человек? Откуда родом, из какой семьи? Какое получил образование? Где работал до назначения и как проявил себя на прежних должностях, в других сферах деятельности?

В обыденной жизни ответы на эти вопросы позволяют понять, кто перед нами и что можно ожидать от деятельности этого человека на порученном ему посту. Исследователю ответы на эти вопросы позволяют узнать о карьере человека, ее траектории, а на большом массиве данных выяснить, как работают социальные лифты, каково представительство во власти выходцев из различных социальных слоев и групп, дает возможность выявить тенденции формирования и функционирования властных групп регионов.

Цель статьи — проследить динамику карьер и карьерных траекторий представителей региональных административных элит десяти регионов РФ в период 2004–2021 гг. Это часть исследования региональных элит, которые ведутся в секторе социологии власти и гражданского общества под руководством А.В. Дуки.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА

Эмпирической базой исследования типов карьер и карьерных траекторий административных элит субъектов РФ послужил массив биографий периода 2004–2021 гг. По некоторым регионам есть и более ранние данные. Первоначально в поле нашего внимания были четыре региона. В настоящее время база включает биографии чиновников высшего уровня десяти субъектов РФ: Санкт-Петербурга, Ленинградской, Калининградской, Костромской, Новосибирской и Ростовской областей, Ставропольского и Хабаровского краев, Москвы и Республики Дагестан. Принцип выбора регионов — представительство близких

по своим характеристикам групп регионов. Принцип уже не раз описывался в публикациях сектора как совмещение случаев «наибольшего сходства» и «наибольшего различия» [Быстрова и др. 2008].

Таблица 1

Количественные параметры биографической базы (N=4130)

Год сбора информации	Количество биографий	Элитная группа
2005	418	Политики и администраторы
2012	936	Политики и администраторы
2015	1652	Политики и администраторы
2019	660	Политики
2020–2021	464	администраторы

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Исследование карьер имеет сравнительно давнюю историю.

Обыкновенно вертикальную мобильность и выстраивание карьерных траекторий рассматривают в нескольких аспектах, связанных друг с другом:

- 1) уровень индивида и его жизненных планов, карьерных притязаний и их обеспеченности соответствующими ресурсами, в том числе финансовыми, образовательными, материальными, личными и деловыми связями;
- 2) управление карьерами наемных работников, осуществляемое в рамках организаций различного профиля и назначения, включая органы государственного управления;
- 3) исследование социального контекста, который создает, поддерживает, ограничивает возможности индивидов, представителей различных социальных слоев и групп осуществлять свои жизненные стратегии и планы, выстраивать те или иные типы карьер.

На уровне индивида и организаций решающее значение имеют разработки специалистов и исследователей в области психологии и управления персоналом. Это справедливо прежде всего для, условно говоря, периодов стабильности/застоя. Вместе с тем при исследовании на уровне социальных групп, слоев, сословий на первый план, особенно в периоды более или менее основательных трансформаций, выступает анализ карьер и карьерных траекторий в аспекте их обусловленности

характеристиками, параметрами социального контекста, а именно структурой возможностей и ресурсов для реализации этих возможностей.

Исследование карьер политиков и чиновников/бюрократов укладывается в эти правила. При этом подходы к изучению карьер представителей власти, естественно, учитывают особенности сферы их деятельности (политика, государственное управление). Политические и бюрократические карьеры смыкаются на верхних уровнях иерархий независимо от того, анализируем ли мы федеральные или региональные политико-административные элиты.

Исследовательские подходы к изучению карьер, сгруппированные М. Верчези в два кластера [Vercesi 2018], в центре одного — актор, в центре другого — социальный контекст, не являются взаимоисключающими. Напротив, они дополняют друг друга. Структурные возможности макроуровня, включая страновые факторы, особенности политических процессов и политических возможностей, типы режимов, определяют рамки, в которых акторы ищут посты (должности, позиции) и принимают карьерные решения. Исследователи отмечают, что демократические лидеры отличаются от лидеров автократических режимов, существуют также значительные различия между автократиями, различаются каналы рекрутирования и карьеры акторов [Baturu 2016]. Организации и институты (мезоуровень) влияют на индивидуальные стратегии, т.е. выступают посредниками между макро- и микроуровнями. Диапазон выбора ограничен контекстом, его заданность может воспроизводиться, однако резкие изменения могут переменить ситуацию и привести к межэлитной циркуляции.

Типологии карьер имеют различные основания и предложены специалистами ряда научных дисциплин. Основания классификации и цель типологий различны. Многие типологии имеют прикладной характер, предназначены для помощи в определении и выстраивании собственной карьеры или консультирования работодателей по поиску персонала.

Другие варианты типологий, которые разработаны исследователями российских элит и процессов их формирования и функционирования, в наибольшей степени отвечают задачам нашего исследования. Типологии построены в результате анализа обширных биографических материалов, имеют вид метафор «типичных представителей», в них зафиксированы основные характеристики карьерных траекторий и бассейнов рекрутирования. Приведем некоторые примеры:

- «прагматик-индустриалист», «прагматик-постиндустриалист», «прагматик-традиционалист», «партийно-комсомольский карьерист», «этатист-державник», «популист-политик» и «новый делец-политик» [Буренкова 1995];
- «служаки-спринтеры», «служаки-стайеры», «высочки-директора», «высочки-ученые», «высочки-предприниматели» и «высочки-разночинцы» [Понеделков 1995];
- «прагматик», «хозяйственник», «директор», «партийный функционер», «администратор», «преподаватель», «прораб», «комсомолец»; наиболее широко в корпусе региональных руководителей конца 1990-х годов были представлены три типа карьер — «партийный функционер», «администратор», «хозяйственник», на них приходилось свыше 60 % [Слепцов, Куколев, Рыскова 1997].

Паутов и Вернигорова приводят три идеально-типические модели элитной карьеры: две модели устойчивой карьеры, различающиеся тем, что одна имеет в своем составе профессиональный и структурный периоды («элита порядка»), вторая в основном профессиональная (тяготеет к «элите порядка», авторы называют ее переходной) и третья модель — преимущественно структурная карьера («элита изменений») [Паутов, Вернигорова 2000].

Все эти типологии могут быть классифицированы более укрупненно — как преимущественно профессиональные и социальные, т.е. по критерию приверженности акторов определенным видам деятельности.

Факторы, влияющие не только на карьерные различия, но и на возможность попадания в элитные группы, включают возраст и принадлежность к политическому поколению, место рождения и образование, личные и деловые связи. Возраст и принадлежность к тому или иному политическому поколению означают, что и первичная, и профессиональная, и политическая социализации прошли в конкретном социальном контексте, когда действовали характерные для данного времени социальные лифты. Так, войны и послевоенные периоды делают важным социальным лифтом службу в армии. Место рождения и высшее образование, а также место его получения определяют и характер первичной социализации, и особенности профессиональной социализации. Это также важно для установления личных и деловых связей, упрочения социального капитала. Многие связи в дальнейшем служат «вытягивающими» факторами в карьере, особенно в стране, где весьма велики роль

неформальных связей, принадлежность к определенному клану и лояльность ему (клану) и его патрону [Гаман-Голутвина 2004]. Совместная деятельность в какой-либо сфере, организации способствует в дальнейшем продвижению по «пути наверх».

Профессиональный тип карьер — это, как правило, последовательное прохождение ступеней карьерной лестницы в рамках преимущественно одного вида деятельности. Социальный тип — когда в процессе восхождения, не всегда последовательного, по карьерной лестнице происходит неоднократная смена видов деятельности. Иногда такой тип карьеры называют еще структурным, или открытым, в отличие от профессионального, или закрытого.

Исследования элит, бассейнов рекрутирования и карьер в России шло в тесной увязке с изучением процессов трансформации в стране. Были созданы аналитические модели трансформации элит, причем в поле внимания были времена не только с начала 1990-х годов, но и более ранние. Подобно тому как в подходах к исследованию элит в центр внимания ставится актер или социальный контекст, в моделях крен делался на изучение персонального состава либо особое внимание уделялось социально-экономическому фону трансформации элит. Куколев выделяет четыре модели — смена потоков, или волн, правящей элиты; бунт экономических элит, или пробуждение региональных элит; политический капитализм; роль контрэлиты, — указывая на модель «политический капитализм» как наиболее распространенную. При этом он отмечает, что в организации власти в этой модели присутствует тренд к реноменклатуризации, плутократизации, закрытию элит и усилению авторитарных тенденций [Куколев 1997]. Обобщая результаты исследования элитных трансформаций в аспекте карьер и карьерных траекторий до начала 2000-х годов, можно утверждать, что к началу 1980-х годов (период застоя) преобладающий тип карьеры — профессиональный. Период рубежа 1980–1990-х годов, даже несколько ранее, и до середины 1990-х — сдвиг в сторону социального типа.

Наши исследования региональных элит начиная с 1998 г. показали, что преобладающий тип карьер в бизнес-элите — профессиональный. В среде административно-политической элиты большее значение имели социальные карьеры (2000-е годы). Дальнейшие исследования продемонстрировали возрастание в административно-политической элите доли лиц, имеющих профессиональную карьеру (все 2000-е годы), по показателям предшествующей, предпредшествующей работы,

с учетом последней предэлитной должности. Тенденция к закрытию элит проявилась и в том, что из элиты постепенно исчезли бывшие политические активисты, представители низкостатусных групп.

Изучение типов карьер представителей региональной административной элиты и факторов, влияющих на их различия, по биографиям 2000-х годов позволило сделать следующие выводы.

В отличие от экономической элиты, для которой преобладающим типом карьеры по-прежнему является профессиональная, чиновникам свойственны также социальные карьеры. То есть траекториям карьер значительной части бюрократов свойственны определенные зигзаги — перемещения по горизонтали или вертикали (не всегда только вверх) из административно-управленческой сферы деятельности в иную и обратно. Хотя карьеры почти 60 % чиновников можно было отнести к профессиональному типу.

Наблюдалось постарение элиты по тем четырем регионам, по которым было возможно провести сравнение. Довольно значительную часть региональной административной элиты можно отнести к поколению «застоя» (годы рождения 1953–1964). Уменьшилась доля администраторов, занявших свою нынешнюю (на момент замера) должность до 40 лет.

Сохранилась тенденция уменьшения доли первого технического высшего образования. Но вырос удельный вес чиновников, имеющих опыт работы в силовых структурах. Советская политико-административная элита последнего десятилетия существования СССР состояла по большей части из лиц, имевших высшее инженерное, техническое, агропромышленное, военно-техническое образование. Так, Штайнер со ссылкой на Крыштановскую утверждает, что в команде Брежнева «технарей» было почти 72 %, в команде Горбачева — 67 %, в команде Ельцина — 47 %. В составе региональных элит доля была еще выше: 79, 100 и 74 % соответственно [Штайнер 2001]. В 2000-е годы для административной карьеры возросло значение финансово-экономического, управленческо-политического и юридического образования. Это особенно отчетливо проявилось у представителей поколения кризиса (годы рождения 1972–1990). Недостаток специальных знаний восполнялся за счет получения второго образования. Чаще всего второе высшее образование финансово-экономическое, управленческо-политическое и юридическое. Популярны оказались программы профессиональной переподготовки в сфере экономики и управления.

Что касается бассейна рекрутирования региональных чиновников, то по показателям предшествующей и предпредшествующей работы уменьшилось значение бизнеса как источника пополнения кадров. В начале 2010-х годов (замер 2012 г.) показатель предшествующей и предпредшествующей работы в качестве хозяйственника или бизнесмена составлял 16 и 23 % соответственно. Основная часть чиновников были администраторами и на предшествующей и предпредшествующей работе (78 и 63 % соответственно).

Наши исследования показали, что по данным о предэлитной, предшествующей и предпредшествующей работе карьеры представителей региональной административной элиты поколений оттепели (годы рождения 1934–1952) и застоя были более профессиональными, чем карьеры персон, относящихся к поколениям перестройки (годы рождения 1965–1971) и кризиса. Карьеры представителей двух последних поколений имели в своих траекториях больше «зигзагов», связанных с переменной не просто должности, но сферы деятельности [Быстрова 2017].

Номенклатурный опыт постепенно терял свое значение как фактор карьеры. В 1990-е годы бывшие номенклатурные работники составляли большинство чиновничества регионов. К началу 2010-х годов удельный вес имеющих такой опыт резко упал. Люди поколения оттепели и застоя выбывали из состава административной элиты. В карьерах чиновников из поколений кризиса совершенно отсутствовал номенклатурный опыт по причине молодости.

Административная элита регионов оставалась провинциальной по своему рождению, образованию, месту деятельности и карьере. Однако среди чиновников из поколений перестройки и кризиса стало больше уроженцев городов. Сохранявшийся довольно высокий уровень эндогенности (укорененности) административной элиты, т.е. характеристики совпадения места рождения, получения образования и вхождения в элиту, косвенно свидетельствовал о небольшой мобильности и ограниченных возможностях продвижения на более высокие уровни власти.

В то же время для 28 % чиновников занимаемая на момент замера должность — первая элитная позиция в карьере. Это «новички» в элите. В начале 2010-х годов более половины региональных чиновников в рассматриваемых регионах занимали свою нынешнюю должность менее двух лет. По-прежнему имело место формирование админи-

стративного корпуса элит регионов в связи со сменой губернаторов. Как видно из приведенных данных, довольно интенсивно менялся состав корпуса административных элит регионов, а технология обновления была «завязана» на первое лицо, главу конкретного региона.

СРАВНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ С ДАННЫМИ БАЗЫ 2020–2021 ГОДОВ

К началу 2020-х годов в составе региональной административной элиты практически не осталось лиц, социализация которых проходила в период «оттепели». Представителей поколений «застоя» и «перестройки» стало 1/3 и 1/4 соответственно. По сравнению с 2012 г. в составе корпуса чиновников уменьшилась доля лиц старшего возраста (33 % против 42 % в 2012 г.) и возросла доля лиц среднего возраста (табл. 2). Доля женщин в составе административной элиты практически не изменилась: 17 % против 18 % на начало 2010-х годов. На общем фоне выделяются лишь два региона — Калининградская и Ленинградская области. Среди чиновников первой женщин около 40 %, среди чиновников второй — почти в два раза меньше, но это все равно больше, чем в остальных регионах.

Таблица 2

Чиновники десяти регионов (2021 г.): возрастные категории (в %)

Год замера	22–40 лет	41–55 лет	56–80 лет	Итого
2009	17	51	32	100
2012	11	47	42	100
2015	15	72	13	100
2021	12	55	33	100

Продолжается уменьшение значения первого высшего технического образования. В целом по десяти рассматриваемым регионам на начало 2020-х годов первое высшее техническое образование имеют 28 % представителей административной элиты, достигая максимума в Санкт-Петербурге (37 %). В 2012 г. показатель составлял 34 % по массиву в целом.

Анализ данных о первом, втором и третьем высшем образовании позволил выявить следующее. Первое высшее финансово-экономическое, управленческо-политическое и юридическое образование имеют 33 % от общего числа администраторов, представителей администра-

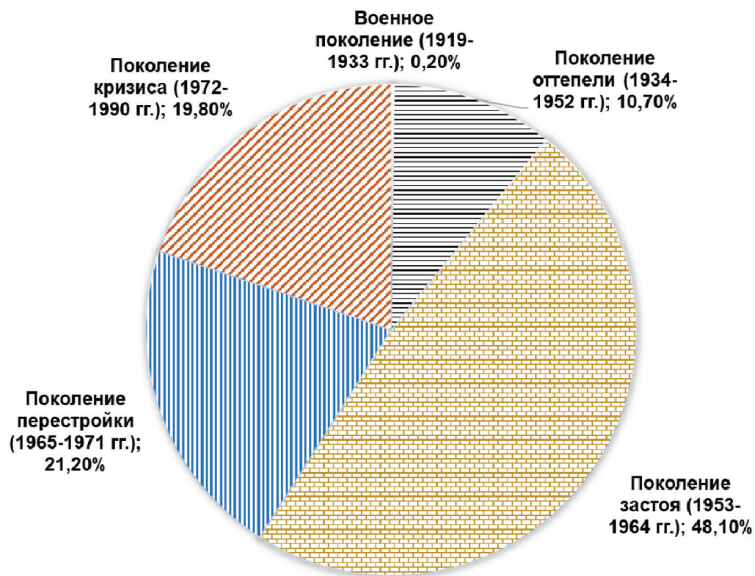

Рис. 1. Политические поколения, 2015 г. (N=830)

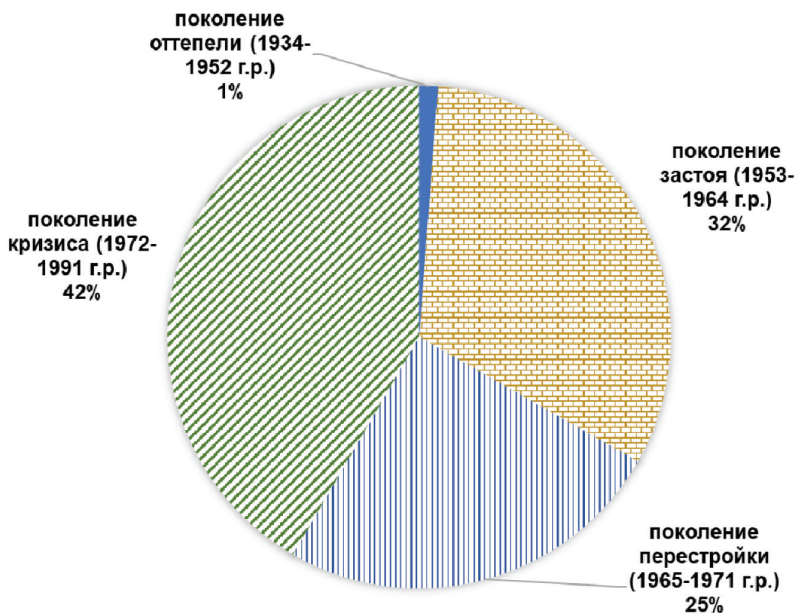

Рис. 2. Политические поколения, 2020 г. (N=406)

тивной элиты десяти субъектов Российской Федерации в 464 человека. Как второе высшее образование профессиональную подготовку по специальностям данных профилей получили еще 186 человек. Наконец, как третье высшее образование аналогичная подготовка присутствует в биографиях еще 55 человек. Всего из 464 человек указанные специальности имеют 394 человека, т.е. 85 %. Более 30 % по массиву в целом прошли программы повышения квалификации, включая аспирантуру. Сведения о наличии ученой степени имеются по 124 персонам из 464 человек административной элиты рассматриваемых регионов (27 %). Не является неожиданным, учитывая номенклатуру высшего образования управленцев, что основная часть профессиональной переподготовки и защит диссертаций приходится на экономические и юридические специальности. 18 человек имеют докторские степени. Лидерами по удельному весу «остепененных» чиновников являются Ростовская область, Санкт-Петербург, Новосибирская область и Москва: 41, 37 и 33 % соответственно. Приведенные показатели характеризуют уровень подготовки региональных чиновников как весьма высокий и по большей части адекватный занимаемой должности.

Более половины представителей административной элиты (57 %) заняли последнюю предэлитную должность в молодом возрасте (22–40 лет). В начале 2010-х годов таких лиц в административной элите было 73 %. Более раннее вступление в предэлитную должность оказалось характерно для Москвы (69 %), Калининградской и Костромской областей (65 %). При этом около 10 % из 364 персон, по которым есть соответствующие сведения, оказались на предэлитной должности в возрасте до 30 лет. Лидерами по этому показателю являются Калининградская и Ленинградская области — 20 и 17 % соответственно. В то же время в Ростовской области ни один человек административного корпуса не вступил в предэлитную должность в возрасте до 30 лет. В среднем возрасте вступили в предэлитную должность (41–60 лет) 43 % членов административной элиты. В наибольшей мере сравнительно более позднее вступление в предэлитную должность свойственно Республике Дагестан (58 %) и Санкт-Петербургу (53 %), в наименьшей степени характерно для Калининградской области (30 %), Москвы (31 %) и Костромской области (35 %). В пенсионном возрасте (71 год) вступил в предэлитную должность только один человек. Продолжительность времени занятия последней предэлитной позиции изменилась за счет увеличения доли тех, кто проработал на этой позиции два года и менее:

в 2015 г. таких стало 48 % против 36 % в 2012 г. В итоге 72 % против 59 % в 2012 г. проработали на последней предэлитной позиции пять лет и менее.

Почти 2/3 представителей административной элиты рассматриваемых регионов — «новички» в элите (64 %). Должность на момент замера — первая элитная ступенька в их карьере. Величина показателя более чем в два раза превышает его величину на начало 2010-х годов. Меньше всего таких «новичков» среди чиновников Москвы (46 %) и Санкт-Петербурга (57 %), больше всего — в Калининградской (78 %), Костромской (74 %) и Новосибирской (72 %) областях. Три четверти чиновников занимают нынешнюю позицию в течение пяти лет и менее. При этом более половины чиновников находятся на данной элитной должности и того меньше: два года и менее (56 %).

Видимо, тенденция ускорения карьер молодых управленцев и обновления кадров затрагивает не только региональный уровень административной элиты. Более быстрое продвижение по карьерной лестнице молодых отмечено на «втором уровне» управленческого класса (заместители министров федерального правительства и руководители ведомств). В исследовании «Основные тренды формирования управленческой элиты России 2019–2030 гг.», проведенном под руководством О. Крыштановской в 2019 г., читаем: «Скорость карьеры связана с возрастом: чем моложе чиновник, тем в среднем быстрее он продвигался по служебной лестнице». Авторы отчета о проведенном исследовании обнаруживают резкое ускорение мобильности представителей поколений 1970-х и 1980-х годов и отмечают «разницу в скоростях продвижения наверх даже между семидесятниками и рожденными в 1980-е годы — 6 лет». Так, им потребовалось соответственно 17 и 12 лет для достижения второй позиции в иерархии, а у некоторых менее десяти лет. Исследователи назвали явление уникальным показателем подвижности российской системы исполнительной власти в нынешней России [Основные тренды... 2019: 32–33].

В нашем исследовании около половины нынешних администраторов по каждому показателю, по которому можно судить о скорости карьеры (продолжительность времени занятия первой элитной позицией, предшествующей элитной позиции и нынешней элитной позиции), были в первой группе. Они занимали обозначенные в показателе должности два года и менее. Еще от 20 до 35 % занимали эти должности от трех до пяти лет. То есть чиновники довольно быстро продвигаются

по карьерной лестнице, часто не задерживаясь на каждой элитной позиции более двух лет (табл. 3).

Таблица 3

**Чиновники десяти регионов (2021 г.):
скорость продвижения по ступеням карьеры (в %)**

	Продолжительность времени занятия				
	2 года и менее	3–5 лет	6–7 лет	8–9 лет	10 лет и более
1-я элитная позиция N=418	51	27	13	5	4
Предшествующая элитная позиция N=166	48	35	8	5	4
Нынешняя элитная позиция N=445	56	20	13	6	5

Укрепилась тенденция профессионализации административной элиты. В начале 2020-х годов существенное большинство административной элиты непосредственно перед первой в биографии элитной должностью были заняты политико-административной активностью (68 %). В 2012 г. показатель составлял 50 % (по восьми регионам), в 2015 г. — 56 % (по десяти регионам). Наиболее распространенной предэлитной работой оказалась деятельность в качестве работника областной и районной администрации низшего и среднего звена. Показатель вырос с 46 % в 2012 г. и 54 % в 2015 г. до 67 % в 2021 г. В наибольшей степени это характерно для Москвы, Ростовской и Калининградской областей (75, 73 и 71 % соответственно). Второй по значимости предэлитной работой в начале 2020-х годов оказалась деятельность на высших позициях в коммерческих структурах (17 %). Меньше всего величина этого показателя наблюдается в Калининградской области (9 %), больше всего — в Республике Дагестан (22 %), Санкт-Петербурге, Ростовской области и Ставропольском крае (21 %).

По показателям предшествующей и предпредшествующей работы (табл. 4, 5, рис. 3–6) доля работы администратором достигла 82 и 69 % соответственно по массиву в целом на начало 2020-х годов. Небольшое число чиновников были хозяйственниками и бизнесменами: 12 и 18 % соответственно. В рамках административных элит конкретных субъектов РФ соотношения могут меняться, но не очень значительно. Так,

в Ростовской области, Республике Дагестан, Санкт-Петербурге и Ленинградской области доля позиции «администратор» в качестве предшествующей работы меньше от 73 до 76 %, а позиции «бизнесмен» больше — от 15 до 20 %. Больше всего администратор в качестве предшествующей работы отмечается в Москве (95 %), соответственно здесь меньше всего встречается бизнесмен — всего 3 % (два человека). Здесь же больше всего чиновников были администраторами и на предшествующей работе (93 %).

То есть в целом по массиву как минимум более 2/3 чиновников имеют в своей карьере три ступени подряд работы администратором. Еще больше уменьшилось значение бизнеса как бассейна рекрутирования чиновников регионов. Удельный вес работы администратором

Таблица 4

Чиновники десяти регионов РФ (2021 г.): предшествующая работа (%)

Год замера	Депутат	Администратор	Бизнесмен	Силовик	Прочее	Итого
2009	6	72	5	3	14	100
2012	1	78	16	2	3	100
2015	2	78	12	6	2	100
2021	2	82	12	3	1	100

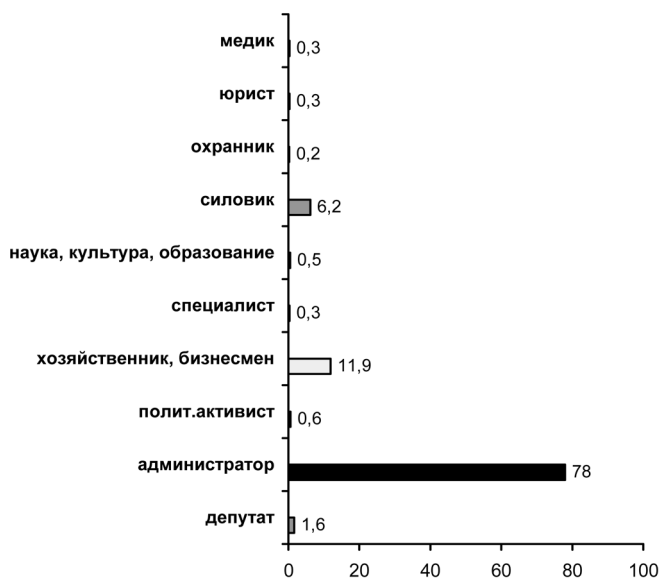

Рис. 3. Предшествующая работа, 2015 (N=869)

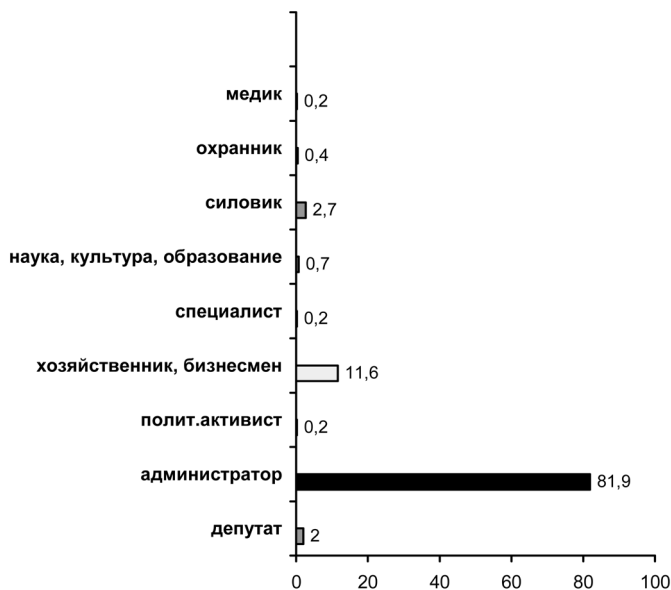

Рис. 4. Предшествующая работа, 2020 (N=447)

как в качестве предшествующей, так и предпредшествующей деятельности неуклонно рос все 2010-е годы. Вкупе с данными об уровне и номенклатуре высшего образования и программ профессиональной переподготовки получается картина роста профессионализации административной элиты в десяти рассматриваемых регионах России.

Таблица 5

**Чиновники десяти регионов РФ (2021 г.):
предпредшествующая работа (%)**

Год замера	Депутат	Администратор	Бизнесмен	Силовик	Прочее	Итого
2009	5	57	25	5	8	100
2012	2	63	24	4	7	100
2015	3	66	18	9	4	100
2021	2	69	18	6	5	100

Уменьшилось значение **номенклатурного опыта** (опыт работы в органах КПСС, ВЦСПС, ВЛКСМ и Советах депутатов СССР, до 1989–1990 гг.). Обладатели навыков и умений деятельности в условиях советской системы управления стало совсем немного — около 5 %. Столь

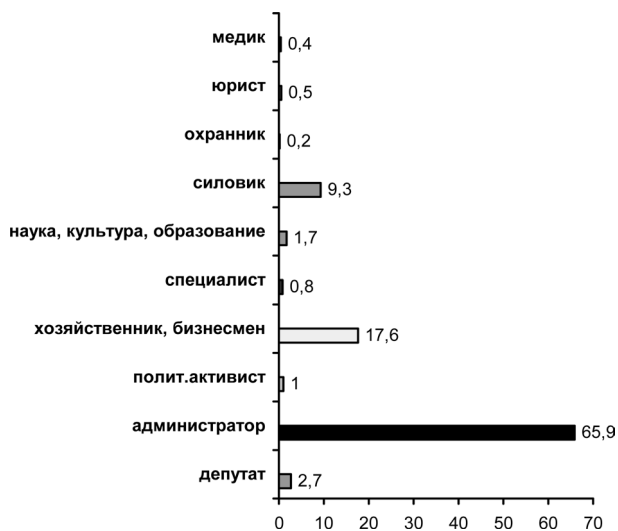

Рис. 5. Предпредшествующая работа, 2015 (N=830)

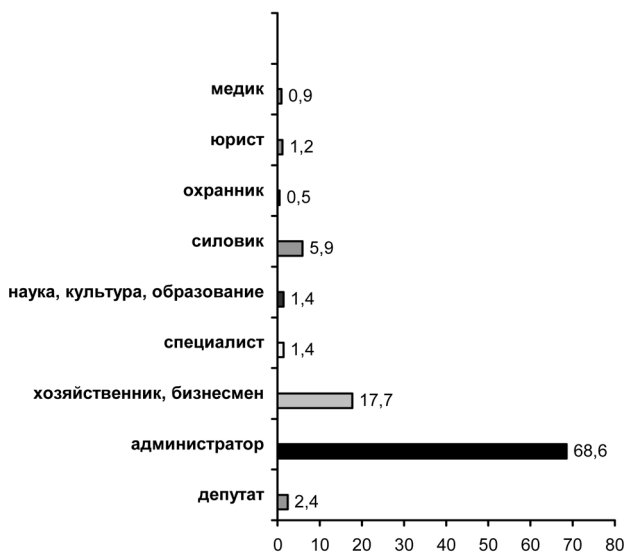

Рис. 6. Предпредшествующая работа, 2020 (N=423)

небольшая доля вполне объяснима естественным процессом вымывания из состава административной элиты представителей старшего поколения. Данные биографий свидетельствуют, что почти все эти персоны обладают опытом работы на уровне района, отрасли и выше. Только

один человек — на уровне предприятия. Наиболее часто встречается упоминание о работе в комсомольских органах (37 %). Менее часто встречаются советские органы (29 %) и советские органы (25 %). В 2012 г. о 13 % элитных персон было известно, что они имеют номенклатурный опыт. Все они работали на уровне района и выше: 46 % в органах КПСС, 39 % в органах ВЛКСМ и 15 % в советских органах. В 2015 г. бывших «номенклатурщиков» было всего 8 %. Больше всего среди них было тех, кто работал в органах ВЛКСМ уровня райкома и выше (56 %). Еще 33 % работали в органах КПСС тоже уровня райкома и выше. Наконец, 11 % трудились в органах советской власти.

Силовой опыт в карьере имеют 22 % администраторов против 10 % в базе 2012 г. и 17 % в 2015 г. Значительная часть административной элиты десяти регионов имеют небольшой по продолжительности силовой опыт: 40 % отслужили 1–2 года, т.е. речь идет, скорее всего, о срочной службе в армии. В то же время 45 % из 102 персон, по которым имеются сведения о силовом опыте, прослужили 10 лет и более. Среди них 25 человек (24 %) прослужили 20 и более лет. Максимальный срок службы 46 лет — у одного московского чиновника. И в 2012, и в 2015 г. тех, кто, имел срок службы в силовых структурах 10 лет и более — 88 %. Судя по нашим данным, количество бывших силовиков в составе административной элиты рассматриваемых десяти регионах РФ возросло.

Дискуссии вокруг характера, возможной роли силовиков в составе элиты продолжают уже довольно давно. Среди предметов дискуссии, в которой участвовали специалисты в различных областях знаний (психологи, социологи, политологи, конфликтологи и т.д.), в частности, влияние военной службы и боевого опыта в карьере на принятие решений лидером, занявшим высокий политический пост (президент, руководитель правительства и т.д.). В самом общем виде можно сказать, что есть значимая связь между переменной предыдущей военной службы и типом режима [Horowitz, Stam 2010; 2015]. Среди отечественных исследователей, например, большая дискуссия вокруг милитократии как характеристики режима власти Президента В.В. Путина в работах О. Крыштановской [Крыштановская 2002; Воронкова, Сидорова, Крыштановская 2011]. Были подвергнуты сомнению достоверность и надежность расчетов исследователя, а также методы исследования, источники и выводы. Работ написано немало, и не только в нашей стране. Сошлюсь на одну из статей, в которой дискуссия вокруг роли силовиков дополнена анализом их места и значения в региональных элитах

[Дука 2012]. Собственно, несмотря на разногласия в оценках данных и результатов, важность изучения данного вопроса не оспаривалась. В последние годы размышления приобрели более практический характер в контексте возрастающего административно-силового давления по разным основаниям и поводам (эпидемия и т.д.). Цифровизация повседневной жизни населения естественным путем усиливает роль контроля над гражданами и роль акторов, осуществляющих этот контроль. Безопасность требует работы профессионалов, и это часто силовики. Вот и наблюдаем некоторый рост доли чиновников-силовики.

Сохраняется высокий уровень эндогенности региональной административной элиты. Впрочем, довольно высокий уровень эндогенности свойственен и политическим элитам регионов. В исследованиях сектора «зафиксирована тенденция усиления эндогенности элит, что связано частично с достаточно низким уровнем миграции в стране, а частично — с усилением институционализации политических элит. Дифференциация регионов по степени эндогенности элит достаточно большая» [Быстрова и др. 2020]. А. Дука отмечает, что интегральный показатель эндогенности (эндогенное ядро) региональной элиты возрастает во многих регионах. При этом имеет место дифференциация эндогенности по возрастам. Более молодые оказались и более укорененными, что, по мнению исследователя, может говорить о стабилизации региональных властных групп и их закрытии от внешних акторов [Дука 2021].

ВЫВОДЫ

Анализ карьер и карьерных траекторий административных элит десяти российских регионов на эмпирической базе, обнимающей биографии высших региональных чиновников за период с 2004 по 2020 г., позволил сделать следующие выводы.

1. В течение обозначенного периода отмечены довольно значительные изменения в составе корпуса административной элиты регионов. Происходило существенное кадровое обновление. Если на начало 2010-х годов в административной элите было 28 % «новичков», для которых занимаемая на момент замера должность была первой элитной позицией в карьере, то на начало 2020-х их было уже 64 %.

2. Укрепилась тенденция профессионализации административной элиты, судя по показателям предэлитной должности, предшествующей

и предпредшествующей работы. Об этом же свидетельствует снижение значения технического образования как первого высшего. В то время как финансово-экономическое, управленческо-политическое и юридическое достигли суммарной доли 85 % с учетом первого, второго и третьего образования.

3. Практически потерял какое-либо значение в карьере номенклатурный опыт, поскольку в составе регионального чиновничества произошло уменьшение доли представителей старших поколений.

4. Возросла в последнее десятилетие доля «силовиков» в составе административной элиты рассматриваемых регионов. Видимо, это можно объяснить развитием и внедрением цифровых технологий в повседневную жизнь населения, более широким использованием этих технологий в региональном управлении и выходом на первый план вопросов обеспечения безопасности (эпидемия, угроза террористических действий и т.д.).

5. Можно констатировать ускорение карьерного движения на основе анализа показателей: продолжительности времени занятия первой элитной позиции, предшествующей элитной должности и элитной должности, занимаемой на момент замера. Судя по данным некоторых отечественных исследователей, тенденция ускорения карьер фиксируется и на федеральном уровне государственного управления. Таким образом, социальные лифты внутри административной элиты работают, хотя сама элитная группа довольно закрытая для внешнего проникновения, о чем свидетельствует незначительный доступ представителей низкостатусных групп.

Литература

Буренкова Э.Э. Трансформации общества и внутренние характеристики элитных групп. Об изучении элитных групп // Мир России. 1995. № 3–4. С. 3–23.

Быстрова А.С. Влияние социального контекста на построение карьерных траекторий: карьеры представителей различных политических поколений региональных административных элит Российской Федерации // Власть и элиты. 2017. Т. 4. СПб.: Интерсоцис, 2017. С.170–203. doi: 10.1177/0268580916687460.

Быстрова А.С., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов / отв. ред. И.И. Елисева. СПб.: Нестор-История, 2008. 538 с. С. 99–242.

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Инфра-ресурсы региональных политических элит // Южно-рос-

сийский журнал социальных наук. 2020. Т. 21, № 2. С. 6–25. <https://doi.org/10.31429/26190567-21-2-6-25> <https://journalsr.kubsu.ru/article/view/86/86>.

Воронкова О.А., Сидорова А.А., Крыштановская О.В. Российский истеблишмент: пути и методы обновления // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 66–79.

Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (1) // Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 6–19.

Дука А.В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных властных элитах // Властные структуры и группы доминирования: материалы X всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 94–120.

Дука А.В. Мобильность и эндогенность региональных политико-административных элит // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 1. С. 66–99. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>.

Крыштановская О. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. 2002. Т. 7, № 4. С. 158–180.

Куколев И.В. Трансформация политических элит в России // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 82–91.

Основные тренды формирования управленческой элиты России 2019–2030 гг. Отчет по исследовательскому проекту (грант РФФИ № 19-011-31467 2019 г.) / рук. О.В. Крыштановская, д.с.н., проф. Государственный университет управления. М., 2019. 47 с. URL: <https://guu.ru/wp-content/uploads/Полный-отчет.pdf> (дата обращения: 7.11.2021.)

Паутов А.А., Вернигорова Т.П. Элита и элитогенез. М.: Изд-во РАГС, 2000. 125 с.

Понделков А.В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 1995. 206 с.

Слепцов Н.С., Куколев И.В., Рыскова Т.М. Новая легитимность региональных лидеров // Социология власти. 1997. № 3. С. 5–23.

Штайнер Х. Формирование социальных структур в современной России // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 6. С. 30–47.

Baturo A. Cursus Honorum: Personal Background, Careers and Experience of Political Leaders in Democracy and Dictatorship. New Data and Analyses // Politics and Governance. 2016. Vol. 4, № 2. P. 138–157. <https://doi.org/10.17645/pag.v4i2.602>.

Horowitz M., Stam A. Does Where You Stand Depend On If You Served? How Military Backgrounds Influence The Behavior Of Leaders. Paper written for presentation at the American Political Science Association Annual Meeting, September 2010. URL: https://www.researchgate.net/publication/228160133_Does_Where_You_Stand_Depend_On_If_You_Served_How_Military_Backgrounds_Influence_The_Behavior_Of_Leaders (дата обращения: 18.11.2021).

Horowitz M., Stam A., Ellis C.M. Why Leaders Fight. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 228 p.

Vercesi M. Approaches and lessons in political career research: Babel or pieces of patchwork? // Revista Española de Ciencia Política. 2018. № 48. P. 183–206. <https://doi.org/10.21308/recp.48.07>.

REGIONAL ADMINISTRATIVE ELITES OF RUSSIA: CAREERS AND CAREER TRAJECTORIES

A. Bystrova

(abc_46@mail.ru)

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia

Citation: Bystrova A. Regional'nyye administrativnyye elity Rossii: kar'yery i kar'yer-nyye trayektorii [Regional administrative elites of Russia: careers and career trajectories]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8 (1): 5–27. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.1>

Abstract. *The article is devoted to the study of careers and career trajectories of representatives of the administrative elites of Russian regions. The empirical base of the study includes biographies of top-level officials of ten constituent entities of the Russian Federation, including governors, their deputies, and members of regional governments for the period from 2004 to 2020. An analysis of empirical data revealed that during this period there was a significant renewal of the corps of officials in the regions. By the beginning of the 2020s, 64% of officials were new people in the elite. For them, the position held was the first elite position in their careers. Over the past decade, the share of newcomers has more than doubled. The tendency for the professionalization of regional officials has strengthened. The bulk (85%) of regional bureaucrats have specialized education (first, second or third). Many have completed professional retraining programs. Their careers are mostly of the professional type. The nomenclature work experience has lost its former role. In the last decade, the share of “siloviks” in the administrative elite of the regions has slightly increased, that is, persons with experience of work in security structures. Apparently, this is due to the widespread dissemination of digital technologies, both in the daily life of the population and in the management of the region. In addition, the epidemic and the terrorist threat played an important role. Some acceleration of the career ladder was found. There are social lifts within the administrative elite, but this social group remains rather closed for representatives of low-status groups that do not have the resources to move up.*

Keywords: elites, administrators, region, officials, mobility, careers, career trajectories.

References

Baturo A. *Cursus Honorum: Personal Background, Careers and Experience of Political Leaders in Democracy and Dictatorship. New Data and Analyses*, *Politics and Governance*, 2016, 4 (2), pp. 138–157. <https://doi.org/10.17645/pag.v4i2.602>.

Burenkova E.E. Transformacii obshchestva i vnutrennie harakteristiki elitnykh grupp. Ob izuchenii elitnykh grupp [The transformation of society and the internal characteristics of elite groups. On the study of elite groups]. *Mir Rossii* [World of Russia], 1995, 3–4, pp. 3–24. (In Russian)

Bystrova A., Duka A., Kolesnik N., Nevskij A., Tev D. Infra-resursy regionalnykh politicheskikh elit [Infra-resources of regional political elites], *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk* [South Russian Journal of Social Sciences], 2020, 20 (2), pp. 6–25. <https://doi.org/10.31429/26190567-21-2-6-25>. (In Russian)

Bystrova A., Duka A., Kolesnik N., Nevskij A., Tev D. Rossijskie regional'nye elity: innovacionnyj potencial v kontekste globalizatsii [Russian regional elites: innovative potential in the context of globalization]. In: Eliseeva I.I. (ed.) *Globalizacija v rossijskom obshchestve: sb. nauch. trudov* [Globalization in Russian society: a collection of scientific papers]. St. Petersburg: Nestor-Istorija, 2008, pp. 99–243. (In Russian)

Bystrova A.S. (2017) Vlijanie social'nogo konteksta na postroenie kar'ernykh traektorij: kar'ery predstavitelej razlichnykh politicheskikh pokolenij regional'nykh administrativnykh elit Rossijskoj Federatsii [The influence of the social context on the construction of career paths: careers of representatives of various political generations of the regional administrative elites of the Russian Federation]. In: *Vlast' i jelyty* [Power and Elites], 2017, 4, pp. 170–203. (In Russian)

Duka A.V. Mobil'nost' i endogennost' regional'nykh politiko-administrativnykh elit [Mobility and endogeneity of regional political and administrative elites], *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8 (1), pp. 66–99. (In Russian)

Duka A.V. K voprosu o militokratii: siloviki v regional'nykh vlastnykh jelitah [On the issue of militarocracy: siloviki in regional power elites]. In: Duka A.V. (ed.) *Vlastnye struktury i gruppy dominirovanija: Materialy desjatogo Vserossijskogo seminara «Sociologicheskie problemy vlasti v uslovijah rossijskoj transformacii»* [Power structures and domination groups: Materials of the tenth All-Russian seminar “Sociological problems of power institutions under conditions of Russian transformation”]. St. Petersburg: Intersocis, 2012, pp. 94–20. (In Russian)

Gaman-Golutvina O.V. Regionalnye elity Rossi: personalnyj sostav i tendentsii evolyucii [Regional elites of Russia: personal composition and trends of evolution] (1), *POLIS. Political studies*, 2004, 2, pp. 6–19. (In Russian)

Horowitz M., Stam A., Ellis C.M. *Why Leaders Fight*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 228 p. doi: 10.1017/CB09781139149334.

Horowitz M., Stam A. *Does Where You Stand Depend On If You Served? How Military Backgrounds Influence The Behavior Of Leaders*. Paper written for presentation at the American Political Science Association Annual Meeting, September 2010.

URL: https://www.researchgate.net/publication/228160133_Does_Where_You_Stand_Depend_On_If_You_Served_How_Military_Backgrounds_Influence_The_Behavior_Of_Leaders (accessed: 18.11.2021).

Kryshtanovskaya O. Rezhim Putina: liberalnaya militokratiya? [Putin's regime: Liberal Militocracy?], *Pro et Contra*, 2002, 7 (4), pp. 158–180. (In Russian)

Kukolev I.V. Transformacija politicheskikh elit v Rossii [The transformation of political elites in Russia], *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 1997, 4, pp. 82–91. (In Russian)

Osnovnye trendy formirovaniya upravlencheskoj ehliny rossii 2019–2030-gg [The main trends in the formation of the managerial elite of Russia 2019–2030] Report on the research project, Dir. O.V. Kryshtanovskaya. (RFBR Grant No. 19-011-31467 2019) Moscow, 2019. 47 p. URL: <https://guu.ru/wp-content/uploads/Full-report.pdf> accessed 7.11.2021 (accessed: 18.11.2021). (In Russian)

Pautov A.A., Vernigorova T.P. *Ehlita i ehlitogenez* [Elite and elitogenesis]. Moscow: RAGS Publishing House, 2000. 125 p. (In Russian)

Ponedelkov A.V. *Politicheskaya elita: genezis i problemy yeyo stanovleniya v Rossii* [Political elite: genesis and problems of its formation in Russia]. Rostov-na-Donu: Izd-vo SKNC VSh., 1995. 208 p. (In Russian)

Slepcev N.S., Kukolev I.V., Ryskova T.M. Novaya legitimnost' regional'nyh liderov [The new legitimacy of regional leaders], *Sociologija vlasti* [Sociology of Power], 1997, 3, pp. 5–23. (In Russian)

Steiner H. Formirovaniye socialnykh struktur v sovremennoy Rossi [Formation of social structures in modern Russia], *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of public opinion], 2001, 6, pp. 30–47. (In Russian)

Vercesi M. Approaches and lessons in political career research: Babel or pieces of patchwork?, *Revista Española de Ciencia Política*, 2018, 48, pp. 183–206. <https://doi.org/10.21308/recp.48.07>

Voronkova O.A., Sidorova A.A., Kryshtanovskaya O.V. Rossijskiy isteblishment: puti I metody obnovleniya [The Russian establishment: ways and methods of renewal], *POLIS. Political studies*, 2011, 1, pp. 66–79. (In Russian)